

Фото: © Yulia Krecch

Незаживающие раны

ОБЩИТЕЛЬНЫЙ И ЖИВОЙ АНАТОЛИЙ ТРОФИМОВИЧ САВЧЕНКО НА СВОИ ГОДЫ НИКАК НЕ ВЫГЛЯДИТ, А ЕГО НЕВЕРОЯТНО ТЯЖЕЛАЯ, ПОЛНАЯ ЛИШЕНИЙ И СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ ЖИЗНЬ МОГЛА БЫ ПРЕВРАТИТЬ В СТАРИКА И БОЛЕЕ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА. ВОТ ЧТО ОН РАССКАЗАЛ О СВОЕЙ СУДЬБЕ.

▲ Киевляне наблюдают за вступлением в город первых немецких частей 19 сентября 1941 года. Фото: www.pomnivoim.ru

▲ Немецкий мотоциклист на Крещатике в Киеве. Снято в период с 19 по 24 сентября 1941 года. Фотография опубликована в американском журнале Life 3 ноября 1941 года. Фото: www.citifox.ru

▲ Немецкие указатели в Киеве. Фото: www.pravlife.org

В нашей семье было много детей, и, чтобы прокормить их, моей матери приходилось ловить рыбу. Вот так, за этим занятием, 4 сентября 1933 года она надорвалась и родила меня прямо в море. Местом моего рождения в официальных бумагах записан Таганрог, где мы тогда жили.

В 1937 году арестовали и осудили «за политику» моего отца. Так мы его больше и не увидели: моей матери кто-то рассказал, что он пытался бежать и был расстрелян. А я во всех анкетах пишу, что я сын врага народа. Какого народа?!

После отцовского побега арестовали его мать, мою бабушку, и тоже расстреляли. А нас, детей (тогда из тринадцати в живых осталось четверо), выбросили из квартиры прямо в снег. С большим трудом нам удалось добраться до Крыма – там жила сестра матери. У нее самой было шестеро детей.

Перед началом войны приехал муж сестры отца и забрал нас в Киев. (Матери пришлось сначала остаться, так как она не имела права уходить с работы.) Это был очень старый и очень добрый человек. Он работал на железной дороге, рядом с которой находился наш дом, и приносил нам уголь и еду. Потом к нам приехала мать, а старик, «дед», как мы его звали, и его жена умерли.

В 1942 году, уже во время войны, когда участились диверсии на железной дороге, поступило предписание о том, чтобы все, кто не имеет к ней отношения, этот дом покинули. Жильцы разъехались по деревням, а нам деваться было некуда. Тогда всех, кто не выбрался в срок, полевая жандармерия согнала за город, в Голосеевский лес. Там было очень голодно, поскольку питаться мы могли только тем, что находили в лесной чаще.

Тогда мне было около девяти лет, но я оказался очень смысленным и понимал, что мы можем просто погибнуть от голода. Я помнил, что «дед» хранил в угле под лестничной клеткой велосипед и швейную машинку – по тем временам это было большое богатство. При немцах люди боялись брать уголь. И я подумал, что все могло остаться нетронутым, и побежал туда через весь город (до дома было километров 10–12). Где-то в середине пути оглянулся и увидел, что за мной увязался младший братишка, которому тогда было 6,5 лет. Оставить его на дороге было нельзя, обратно возвращаться – глупо, вот так и пришлось взять его с собой.

Я выкопал из-под угля велосипед, привязал к нему швейную машинку, посадил брата, и мы выехали со двора. На перекрестке попали в толпу стариков и детей, которых гнали немецкие жан-

дармы с собаками. Если бы не брат, я, конечно, смог бы выбраться и убежать подалеже, да и велосипед с машинкой бросать было жалко. Нас завели на перрон и загнали в товарные вагоны. Последние шесть уже были заняты, и на них стояла надпись «Освенцим». Обычно людей увозили из Киева, а за городом выбрасывали. Оказалось, что в последних вагонах везли семьи партизан. И в 43 км от города партизаны, зная об этом, обстреляли поезд и освободили своих. Мы же остались в вагонах в голом поле, а на следующий день приехала дрезина с патрулем. Нас отвезли в город Фастов, где пустые вагоны отцепили, теперь уже на наших написали «Освенцим» и отправили состав в Польшу.

В Освенциме всех детей собрали и набили в помещение столовой, где мы провели месяцев пять. Как-то к нам пришли немцы, и я среди них каким-то чутьем выделил начальника – бросился к нему, обхватил колени и стал рассказывать о том, что отца расстреляли как врага народа, о том, что мать – верующая... Ему перевели, что я говорил, и мне выдали какую-то справку. Что в ней было написано, я так и не понял (я и по-русски-то читать не умел), но всем ее показывал.

Собрали детей до 14 лет, погрузили в товарные вагоны и отвезли нас сначала в австрийский Маутхаузен, где продержали три месяца, а потом – в Ноймаркт / Калгам, где находился лагерь советских военнопленных. Нас поместили в отдельные бараки, и в этом месте мы прожили два года. Главного по лагерю (лагерфюрера) звали Адольфом. Его лица не было видно из-за морщин. Он выделял меня из общей массы и проявлял свою «любовь» тем, что все время лупил меня плеткой по лицу. Но даже он боялся женщину, которую все звали *Муттер* – она управляла в лагере всем хозяйством. У нее были дочки-двойняшки. Они нам казались красавицами, наверное, из-за того, что все мы были побриты наголо, а у них были волосы. Кормили нас брюквой с водой и только по субботам давали картошку.

В городке был монастырь, и оттуда к нам каждый день ходили шесть монашек – они брали у нас кровь, делали пункцию. Кровь была нужна фронту. Я оказался лучшим донором, и меня использовали в качестве дойной коровы так, что перед глазами все время летали шарики. Благодаря мне они выполняли план по сдаче крови, наверное, поэтому лагерфюрер не забил меня до смерти. Одна из монашек каждый день делала мне какие-то уколы в ноги: цикл начинался с одного укола, кончался шестью и повторялся бесконечно. Только потом, случайно увидев ее в эсэсовской форме, я понял, что же это были за «монашки».

Перед концом войны английские самолеты закидывали наш лагерь бомбами замедленного действия, одна из кото-

ОДНА ИЗ МОНАШЕК КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЕЛАЛА МНЕ КАКИЕ-ТО УКОЛЫ В НОГИ: ЦИКЛ НАЧИНАЛСЯ С ОДНОГО УКОЛА, КОНЧАЛСЯ ШЕСТЬЮ И ПОВТОРЯЛСЯ БЕСКОНЕЧНО. ТОЛЬКО ПОТОМ, СЛУЧАЙНО УВИДЕВ ЕЕ В ЭСЭСОВСКОЙ ФОРМЕ, Я ПОНЯЛ, ЧТО ЖЕ ЭТО БЫЛИ ЗА «МОНАШКИ».

рых, снабженная часовым механизмом, должна была взорваться, а от детонации взорвались бы и все остальные. Нас, детей, снаряжали сетями и заставляли стаскивать бомбы с территории.

В кирпичном заводе, располагавшемся за нашими бараками, сначала сожгли тех 200 советских военнопленных, которые находились в лагере в других бараках, а потом загоняли туда неблагонадежные австрийские семьи, как бы в баню, и они задохнулись там от газа, а затем их трупы сжигали. Сначала все их вещи сортировали немцы, потом стали заставлять это делать нас, детей. Мы и не догадывались об этих ужасах, пока я не сунулся на завод и не заглянул в одну из вагонеток – там были расчлененные трупы, которые еще не успели сжечь.

▲ Поезд увозит киевлян на фашистскую каторгу в Германию. Фото: www.pravlife.org

▲ Освенцим. Фото: www.urokiistorii.ru

▲ Освенцим. Фото: Государственный музей Аушвиц-Биркенау / www.rg.ru

▲ Заключенные на лестнице смерти в концлагере Маутхаузен. Фото: [Bundesarchiv / WikiMedia](http://Bundesarchiv/WikiMedia)

▲ Дети Маутхаузена показывают выколотые на руках номера.

Фото: grimmir74.livejournal.com

Где-то за месяц до прихода освободителей к нам прислали военнопленных, которые рыли траншеи – как бы для водопровода. Потом выяснилось, что эти ходы заминировали, чтобы потом уничтожить нас, свидетелей ужасных опытов над детьми. Мы, узнав об этом, обвешанные оружием, три месяца охраняли эти траншеи, чтобы их не взорвали. Немцы перед уходом спрятались в леске и стреля-

К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ НАС ОСТАЛОСЬ СОВСЕМ МАЛО. ЧУВСТВОВАЛ Я СЕБЯ УЖАСНО – ГОЛОВА РАСКАЛЫВАЛАСЬ, И Я ВСЕ ВРЕМЯ ЛЕЖАЛ. ВИДИМО, ОРГАНИЗМ ПРИВЫК К ТОМУ, ЧТО У МЕНЯ ПОСТОЯННО БРАЛИ МНОГО КРОВИ, И БЕЗ ЭТОГО УЖЕ НЕ МОГ НОРМАЛЬНО ФУНКЦИОНИРОВАТЬ.

▲ Группа детей, освобожденных из концлагеря Освенцим.

Фото: grimmir74.livejournal.com

ли оттуда трассирующими пулями в сторону мин. Если бы попали, все бы вспыхнуло и взорвалось.

Нас освободили американцы 29 апреля 1945 года. Перед этим ночью сняли охрану и к нам в бараки набились власовцы из Русской освободительной армии. Они хотели показать, что тоже сидели в нашем лагере, но их толстые морды никак не вязались с нашим крайне истощенным видом. Власовцы еще больше потеснили нас на нарах – мы спали на одних по 6–7 человек. Они ходили в город и там мародерствовали.

Американцы разбомбили вокзал. Наш лагерфюрер вышел с повязанной на палку белой простыней. Появился американец, снял портрет Гитлера и удалился – в лагере наступило безвластие и голод. Один старик привез нам мешки с сухим картофелем – это помогло выжить. Мы никому не были нужны.

Через месяц к нам приехали темнокожие, нас стали кормить «монашками» – это чай с брюквой. Тем же питались и австрийские дети из поселка – там тоже был голод. Какой-то русский вывесил у нас флаг с надписью «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» и при этом угваривал нас остаться в Австрии.

У нас не было ни кола ни двора. Живали наша мать и где ее искать – мы не знали. Решили остаться. За нас написали заявление, и я поставил под ним три крестика.

В конце 1945 года через наш лагерь прогнали 3 000 американских военнопленных, которые поели все наши скудные продовольственные запасы. Через три месяца нас, выглядевших просто трупами, погрузили в товарный вагон и отправили в Германию. Там посадили в грузовые машины, покрытые брезентом, и, почти не давая пищи, несколько дней везли по стране. Привезли на берег реки. На одной ее стороне висел американский флаг, а на другой – красный советский флаг. Нас спокойно сдали в советскую зону, прекрасно зная, что мы считаемся «врагами народа». Там мы прожили 6–7 месяцев.

Нас проверяли, допрашивали – про отца я сказал, что он погиб на фронте в самом начале войны. Мы жили в бывшем концлагере, расположенном на территории шарикоподшипникового завода. Здесь нас «откармливали» – давали чечевицу, горох и фасоль. К этому времени нас осталось совсем мало. Чувствовал я себя ужасно – голова раскалывалась, и я все время лежал. Видимо, организм привык к тому, что у меня постоянно брали много крови, и без этого уже не мог нормально функционировать. Гудели ноги с опухшими от уколов лимфоузлами. Голова у меня болела потом еще лет двадцать, а ноги болят всю жизнь.

Из Германии нас отправили на Украину, в тот же город Фастов, так как мы сказали, что у нас есть родственники в деревне Папельня (просто где-то слышали это название). Там вместо документов нам дали справки. На крыше вагона добрались до Киева, хотя нам предписано было не приближаться к нему более чем на 101 км. Ночевали в колодцах, работу малолеткам не давали, есть было нечего, в городе постоянно проводили облавы. Я попался, нашли мои справки (одну из Фастова, а другую из Маутхаузена – все, что у меня было) и отправили в Магадан. Оттуда я перебрался в Читу, а потом уже подался обратно в Киев.

Это был 1949 год. Меня взяли на работу в артель по металлоремонту учеником слесаря. Там трудились 98 евреев, я и еще один русский. Платили мне очень мало, и этих грошей едва хватало на самую скромную еду. Тем не менее я откладывал немного, надеясь найти мать и принести ей эти деньги. Ночевал я по-прежнему в колодцах или в поездах. Если попадал в облаву, показывал не справки (я их сначала спрятал, а потом сжег), а свои рабочие руки. Отпускали.

Брата я потерял уже давно, где жила мать, не знал, но придумал, как ее искать. Она была евангелисткой (в те времена за это судили). Как-то в электричке про одну женщину сказали, что она

этой веры. Я вышел на ее станции, тихонько проследил за ней, а потом пришел к ней домой. Рассказал про мать и попросил поспрашивать про нее у верующих. Женщина, конечно, очень испугалась, так как за ее веру можно было получить 10 лет тюрьмы, но в 1951 году именно с ее помощью я и нашел семью. Мать и сестра жили с чужими людьми в 45 км от Киева. Нашелся и брат. Он попрошайничал на улицах Киева – знакомые как-то показали его сестре, на которую он был очень похож.

В 1979 году Анатолий и Виталий Савченко решили создать Общество бывших узников фашистских концлагерей Освенцим, Маутхаузен, Ноймаркт / Калгам и других, силой захваченных гитлеровцами и не запятнавших себя сотрудничеством с нацистами. Оно должно было защищать интересы своих членов, в частности, ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о приравнивании их прав к правам ветеранов войны и о льготах и преимуществах, предоставляемых государством участникам Великой Отечественной войны.

Слова из заявления: *«Дорогие сограждане, уважаемые соотечественники – бывшие узники фашистских лагерей! Вступайте в члены Советского общества узников фашизма! Возвысим свой совместный голос в борьбе за мир и удесятерим ненависть народов к фашизму и политике культа личности, от которых мы перенесли так много страданий и чудом остались живы! Направим наши усилия на претворение в жизнь положений Конституции СССР и Заключительного акта Хельсинкского совещания, касающихся борьбы за сохранение мира и уважения к гражданским и политическим правам и свободам Человека!»*

Это заявление братья отправили в ЦК КПСС и несколько раз пытались передать в Организацию объединенных наций – отдавали копии всем, кто шел в Нидерландское и Австрийское посольства. Те же, по предположению

Анатолия Трофимовича, выкидывали их в мусорные урны или относили сотрудникам КГБ. Корреспондент Би-би-си Кевин Руэйн передал бумаги академику Сахарову. Такая инициатива в те времена могла закончиться весьма печально. Младший брат был осужден на 1,5 года тюрьмы и 5 лет ссылки якобы за хулиганство. А за старшим установили слежку и, когда он 10 июня 1980 года (перед Олимпиадой) написал в КПСС и КГБ письма, осуждавшие вторжение СССР в Афганистан, его задержали, а затем без суда и следствия отправили на десять лет в сибирскую ссылку.

Предполагая, что их арестуют, братья заранее послали заказное письмо в международную организацию в Женеву, и, судя по тому, что оттуда пришел ответ, их конверт благополучно добрался до адресата. Правда, в ответном письме им сообщили, что получили от них лишь чистый лист бумаги.

Из письма Комитета государственной безопасности СССР от ноября 1989 г., пришедшего А. Т. Савченко в город Сургут–21 Тюменской области: *«Уважаемый Анатолий Трофимович! Ваше письмо рассмотрено в КГБ СССР. Ранее по этим же вопросам КГБ Украинской ССР непосредственно на месте проверялись жалобы Вашего брата Виталия Трофимовича. Вам известно, что Ваш брат реабилитирован, ему оказана помощь в получении жилья, оказывается содействие в трудоустройстве по специальности. Сообщаем также, что участвовавшие в противозаконных действиях в отношении Вашего брата сотрудники КГБ в 1981 году из органов госбезопасности уволены, а двое из них осуждены за злоупотребление служебным положением».*

Извещение из прокуратуры Киева от 20 ноября 1989 г., отправленное А. Т. Савченко в город Сургут–21: *«Сообщаю, что Ваше письмо, адресованное в Верховный Совет СССР, поступило для рассмотрения в прокуратуру города Киева и проверено. Предостережение, объявленное Вам 10.06.80 года органами госбезопасности, отменено».*

«Я ПРОСТИЛ ГИТЛЕРА, ПРОСТИЛ СТАЛИНА. КОЛЯ НЕ ПРОЩУ НИКОГДА! ОН НАНЕС МНЕ РАНУ, КОТОРАЯ НЕ ЗАЖИВЕТ ДО САМОЙ СМЕРТИ, ВЕДЬ ТАКИХ, КАК Я, В ЖИВЫХ ОСТАЛОСЬ СОВСЕМ МАЛО.»

Когда Анатолий Савченко получил это извещение, он с семьей отсидел почти весь положенный срок, 10 лет, в Сургутской тайге.

20 февраля 1990 года братья Савченко, приглашенные в Австрию как бывшие узники концлагерей, прибыли самолетом в Вену. С собой они имели документы, подтверждавшие, что они были осуждены *«за политику»*. И попросили политического убежища, но получили отказ.

В ответе из канцелярии бундесканцлера Германии Гельмута Коля было разъяснено, почему случай с братьями Савченко не подпадал под Федеральный закон о компенсациях: они не преследовались нацистами за политические убеждения, за принадлежность к определенной нации, за вероисповедание или мировоззрение, а просто сидели в концлагерях, хотя над ними и ставили бесчеловечные опыты и они потеряли здоровье, будучи малолетними детьми. Они не были евреями, а мировоззрений в то время еще иметь не могли. Анатолий Трофимович говорит: *«Я простил Гитлера, простил Сталина. Коля не прощу никогда! Он нанес мне рану, которая не заживет до самой смерти, ведь таких, как я, в живых осталось совсем мало».*

А дальше последовали новые прошения и ожидание положительного ответа, который был получен в сентябре 1991 года, 4,5 года проживания в сыром холодном помещении, вызов жены, попытки вытащить из Чернобыля дочь с семьей...

Беседовала Ирина Мучкина
«НВЖ» № 5/2000

2020 год, прошло уже почти 75 лет после освобождения от гитлеровского ига, но раны никогда не заживут в памяти тех, кто все это пережил.